

с. 1

ФЕЛЬЕТОНЪ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

О „мужиках“ А. П. Чехова.

Не помню точный источник русской литературы. Есть у нас и теперь, в такое время затишья, писатели, которые своими талантами ручаются за будущее, достойное прекрасного прошлого нашей литературной истории. Есть писатели, удержавшие знамя и славу родной литературы на той высоте, на какую воздвигла ее знаменитая плеяда 40-х годов.

Л. Н. Толстой из сотни вышедших беллетристов, вселяющих бодрость народу на лучшее время русской литературы, не идет; он — выше его и сверх его. Мы говорим о таких писателях, раскрывающих деятельность которых совершается в наши дни. Их немного, всего три-четыре: В. Г. Короленко, А. П. Чехов, Д. Н. Мамин, а больше — уж трудно сказать. Памутъ они, за исключением г. Мамина, от которого спрашивать требуют лучшей обработки, не часто и не много, но почти каждое их произведение обрабатывает внимание разнообразной массы читателей и современной журнальной критики. Каждый их рассказ удерживает в нас образ русской литературы; каждая их вещь отмечена прекрасным дарованием и признана лучшим изданием великих отцов...

Естественным из таких случаев восторги критиков при появлении нового рассказа Чехова „Мужики“, напечатанного в апрельской книге „Русской Мысли“.

Отец г. Меньшикова из майской „Книжки Недели“ начинается таким образом: „Среди уличного галла раздался странный рожок — такое восторженное от нового рассказа А. П. Чехова. Текущая литература наша полна настроенного шума, ржущего слуха: вездѣ и вездѣ табуется безчисленными кличи; слышатъ въ фельетонахъ, обдавая грязью друг друга, бѣлые публицисты; неутоленные беллетристики бѣгутъ бѣгутъ усталыми огромными рожами, валяясь на траву, порослевшие случайной публикой; громыхаютъ въ слухъ трактатахъ доменные таволовые эволюционеры; вращаютъ мелкую литературную раскладку, татары, торгующие нечетными старухами, и пр., и пр. Въ этомъ хаосѣ звуковъ услышать гармонический мотивъ, хотя бы начальный, большая отрада“.

Это очень восторженно и даже, какъ увидимъ ниже, слишкомъ восторженно. Но на самомъ дѣлѣ трудно удержаться

отъ такихъ похвалъ прекрасной мелодии, раздавшейся среди такого хаоса звуковъ, который изобразилъ г. Меньшиковъ. Какое то спокойное чувство благодарности, умиротворяющее всѣ тревоги за настоящее и будущее нашей литературы, овлаждаетъ вами послѣ мастерски-художественныхъ картинковъ, набросанныхъ кистью почти Тургенева.

Что написалъ г. Чеховъ? Начево неключительного въ своей литературной деятельности и очень много сверхъ того, что могутъ написать современные поставщики журнальной беллетристики и драматургии. У г. Чехова, среди его маленького новеллы, есть несколько такихъ, которые въ своей суммѣ дадутъ подобное же представление о мужицкой жизни и о пониманіи и отношеніи къ ней даровитого беллетриста. Мы живо помнимъ одинъ рассказъ того же автора, гдѣ описывается положеніе бѣднаго извозчика, потерявшего кормильца-сына. Прекрасный рассказъ! Нѣкоторые психологическіе черты его повторяются и въ „Мужикахъ“. Есть у г. Чехова и другіе рассказы, откуда можно взять дополненіе той мужицкой психологии, какая изображена въ „Мужикахъ“, но это не стоитъ, потому что мы имѣемъ новое и значное произведение, соединяющее въ себѣ достоинства нѣсколькихъ прежнихъ и, добавокъ, представляющее новое достоинство — краткое резкое прихотливое вскрытіе, произведенное раньше.

Содержаніе простое. Лавей московской гостиницы „Славянской Базаръ“, Николай Чивильдѣевъ, заболѣлъ, бросилъ службу и ушелъ съ своей женой и дочерью въ родную деревню Жуково. А въ Жуковѣ не складно жили и безъ нихъ. Тѣсно, душно, вѣтъ ничего и заработать негдѣ. Нужда всегда портитъ человѣческія отношенія и, разумеется, испортила ихъ и между Чивильдѣевыми. Старуха ворчитъ, сынъ Кирьякъ нещадно бьетъ жену Марью, вѣдѣстка Овля ударилась въ вольное поведеніе, дѣти плачутъ. Осталось одно — нѣтъ тай, но и тутъ нужда недетерпѣла и отняла послѣднее удовольствіе: староста Сѣдельниковъ за недѣлю унесъ самоваръ и возвращать не желаетъ. Прошелъ только годъ тяжелой жизни. Николай Чивильдѣевъ успѣлъ помереть. Жена его и дочка сообразили, что лучше бѣжать отъ такой жизни въ Москву хотя бы и на тяжелые заработки. Вѣдѣтка Марья осталась страдать съ пьянымъ мужемъ Кирьякомъ и... тутъ всея сказка кончилась.

Но не суть именно въ описаніи быденности мужицкой жизни, которую г. Чеховъ изобразилъ съ полнымъ занасомъ знанія среди и съ провинциально-обоб-

щающимъ даромъ художника. Небольшой рассказъ о мужикахъ раздѣленъ на девять маленькихъ главъ и каждая изъ этихъ главъ въ удивительно нѣжныхъ и сжатыхъ чертахъ представляетъ какой-нибудь моментъ изъ жизни, обремененной заботами, муками, нуждой. Нѣтъ у этихъ людей, представляющихъ ихъ за миллионы другихъ такихъ же мужиковъ, ни одного свѣтлаго дня. Здоровая женщина не можетъ приложить своего здоровья ни въ чему и живетъ въ постоянныхъ страхахъ предъ пьянымъ мужемъ Кирьякомъ. Пьяный мужикъ Кирьякъ какъ-то стихійно пьянъ, бьетъ, на всѣхъ домашнихъ ужасъ наводитъ. Молодая красивая баба Овля, за неимѣніемъ нуды руки приложить, ударилась въ разгулъ. Старуха, худая и злая, ворчитъ, ругается, дерется; это — черная туча семьи. Малы дѣти только и видятъ, что брань, побои и голодъ. Гдѣ корень этого взаимнаго пѣданія одного другима? Откуда эта озлобленность, вражда всѣхъ противъ всѣхъ? Мнѣ кажется, г. Чеховъ прямо узнаываетъ источникъ всѣхъ бѣдъ — это непоправимая нищета, постоянное недоѣданіе, голодъ и холодъ, сплошная и давящая забота буквально о кускѣ хлѣба, и не о завтрашнемъ, а о сегодняшнемъ, о томъ, который нужно дѣлить вотъ сейчасъ между всѣми членами семьи. И вы читаете: старуха молала чернымъ хлѣбъ въ воду и ѣла; дѣти выжидали, ахъ баба куда-то ушла, подбѣжали и оскормили эту їду, чтобы злая баба оскормилась и въ адъ пошла. Какія же добрыя чувства могутъ культивироваться при такихъ убійственныхъ условіяхъ? Что можетъ быть злѣе и губительнѣе этого светематическаго голода изъ-дѣла въ день?

Радомъ съ злыми и озлобленными г. Чеховъ ставитъ „мужиковъ“ изъ города, Николая и Ольгу. Худо-ли, хорошо-ли жили эти люди во спасеніе души, но они во всякомъ случаѣ не терпѣли голода, а потому и не успѣли уподобиться звѣриямъ, съ рычаньемъ отнимающимъ другъ у друга пищу. Сначала съ тупымъ удивленіемъ, а затѣмъ со стыдомъ и ужасомъ они смотрятъ на то родное гнѣздо, гдѣ большой Николай хотѣлъ найти покой и гдѣ, какъ оказалось, ни о какихъ родственничьихъ чувствахъ не могло бы рѣчи. Подъ давленіемъ нужды все человѣческое стерлось. И все это надѣлала страшная борьба за существованіе, гнетущая забота о їдѣ и питѣ!..

Если бы мы стали подробно цитировать рассказы г. Чехова, мы долго бы не кончили: вѣдь каждая страница просится на особое вниманіе. Но нѣсколько строкъ привести необходимо. Напримѣръ:

О, какая суровая, какая длинная зима! Уже с Рождества не было своего хлеба и муки покупали. Кирьян, живший теперь дома, шумел по вечерам, наводил ужас на всех, а по утрам мучался от головной боли и стыда, и на него было жалко смотреть. В хату день и ночь раздавалось мычанье голодной коровы, надрывавшее душу у бабки и Марьи. И, как нарочно, морозы все время стояли трескучие, навалило высеков сугробов, и зима заткнулась: на Благовещение задувала настоящим аниинским вьюгом, а на Святую шло снѣгъ.

Или, например, самый конец рассказа, когда ондовѣнная Ольга съ малолѣтней дочерью, пробралась из Москвы, пришла из Большое село.

Остановившись около избы, которая казалась побогаче и новѣе, передъ открытыми окнами, Ольга поклонилась и сказала громко, тонкимъ вѣвучимъ голосомъ:

Православные христіане, подайте милосердію Христа ради, что милость ваша, родителямъ нашимъ царство небесное, вѣчный покой.

Православные христіане,—заплала рыдочь Сама,—подайте Христа ради, что милость ваша, царство небесное...

Контингентъ нищихъ, просящихъ милосердію, пошелъ впередъ, и вы видѣли процессъ, какимъ эти люди пришли изъ своей жизни въ страшному колу. Жалость, грусть, состраданіе—это, конечно, само собой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глупое отчаяніе, болѣзненное сознаніе своего безсилія помочь этимъ нищимъ и обездоленнымъ. Наслѣдственный изъ поколѣнія въ поколѣніе экономическій недостатокъ кажется стихійной силой, съ которой совершенно нельзя совладать. И всѣ мы, не потерявшие способности сочувствовать чужой бѣдѣ, оказываемся передъ высочайшимъ порогомъ, черезъ который невозможно шагнуть: нечѣмъ помочь! А ужъ что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь,—какъ сказано у Некрасова.

Г. Чеховъ написалъ картину сильную, производящую впечатлѣніе глубокое, щемящее и разумящее, большая хвала ему за это. Не возникаетъ живой источникъ русской литературы, и не оскудѣла еще окончательно эта литература, пока живы Чеховы, Короленки и очень немногіе, похожіе на нихъ.

Это вѣрно. Мы съ большинствомъ удовольствіемъ читали рассказы А. П. Чехова и очень радовались за литературу, которая имѣетъ А. П. Чеховыхъ. Вполнѣ раздѣляемъ и восторгъ критика „Надѣла“ г. Меншикова, но все-таки его надо умѣрять.

Вирочентъ, г. Меншикову можно пре-

доставить увлеченіе сколько угодно, восторгаться еще больше, потому что это не вредитъ, но намъ кажется, что никакою силой искренняго увлеченія не оправдывается та новая теорія, которую выдвигаетъ г. Меншиковъ по поводу названій г. Чехова вообще и послѣднѣйшаго его рисунка особенно. Теорія эта заключается въ слѣдующемъ.

„Большой романъ отживаетъ своей нѣтъ. Мопассанъ, Киплингъ, Чеховъ, Сенкевичъ предпочитаютъ маленькіе рассказы. Большой романъ—несовсѣмъ естественная форма; онъ не выжидается изъ жерла читателя, вываливается изъ него. Уже въ среднѣй большомъ романѣ забываемъ начало, а конецъ дотыкаемъ утомленнымъ впечатлѣніемъ, не выжидая изъ жерла. Въ большой романѣ влѣзается столько мыслей, столько страсти, что переписать и перечувствовать ихъ надо много времени, а суть художественнаго впечатлѣнія требуетъ, чтобы всѣ части произведенія воспринимались сразу или въ ближайшей послѣдовательности. Не только гармонія, но и мелодія исчезаетъ, если ея элементы раздѣлены слишкомъ большими промежутками“. Величина большихъ романовъ превосходитъ психическіе разбѣры, при которыхъ ощущено вѣдѣство“.

Такъ полагаетъ г. Меншиковъ. Вы ужъ готовы согласиться, потому что г. Меншиковъ пишетъ горячо, искренно, а искренность всегда подкупаетъ и много замѣняетъ логическую аргументацію. Но не будемъ спѣшить и подумаемъ хорошенько, что такое говоритъ г. Меншиковъ. Говоритъ что-то совсѣмъ несообразное. Во-первыхъ, не правда ли, что Мопассанъ и Сенкевичъ предпочитаютъ маленькіе рассказы; если эти писатели прославились у насъ, то только большими романами, а не маленькими рассказами. О маленькихъ рассказахъ, напр., Сенкевича многіе русскіе читатели даже не подозреваютъ, зато громадные романы „Безъ догматъ“, „Семья Половцовыхъ“, „Камо грядеши“ тѣ же читатели знаютъ чуть не наизусть. Не знаю, какіе нужны психическіе разбѣры, при которыхъ ощущено вѣдѣство „Анны Карениной“, „Отцовъ и дѣтей“, „Дума“, „Дворянскаго гнѣзда“, „Герои нашего времени“, „Мертвыхъ душъ“, „Обрывъ“, „Обыкновенной исторіи“, но всѣ знаютъ, что это не маленькіе рассказы и читать ихъ куда интереснѣе, чѣмъ нескладные разныя Кружковыхъ, Соллогубовъ и прочихъ, иконахъ Господь вѣсть. Значитъ, и тутъ дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, и большое количество страницъ отнюдь не пагубно для „психическихъ разбѣровъ“, если „вѣдѣство“ стоитъ на высокой ст-

ени. Прямая логика гласитъ: не хороше, когда не удовлетворяютъ ни количествомъ, ни качествомъ; гораздо лучше, когда при слабыхъ количествахъ удовлетворяетъ хоть качествомъ, и совсѣмъ прекрасно, когда удовлетворяетъ и количествомъ, и качествомъ. О томъ тутъ спорить и мѣшать немыслимо, антилогична теорія ам-думмистъ?..

Г. Меншиковъ, въ подтвержденіе своей мысли, признаетъ даже, что не знаетъ хороша и такихъ романистовъ, какъ Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Пелевинъ, что такъ. Подождемъ, что поведаетъ и авторъ маленькихъ рассказовъ, Чеховъ, Мопассанъ и др., но въ эрихъ лучше. Подождемъ, что болѣе романъ—форма вообще умасно неудобная, громоздкая, утомительная и падающая отъ себя. Но г. Меншиковъ, въ увлеченіи произведеніемъ „Мужики“, очевидно, забываетъ, что тогда придется уметь быть промѣломъ и тѣмъ романистомъ, какъ Вальманъ, Жюль-Зандъ, Гюго, Дюма, и даже такіе выжи, какъ „Вальманъ Мейстеръ“ и „Страдания Вертера“ Гете, „Донъ Жуанъ“ Байрона и множество другихъ произведеній, по праву заслужившихъ курьезнаго мѣста въ библиотекѣхъ.

Это значитъ увлеченіе до ослѣпленія и стремительно хватить чертъ край.

Намъ очень понравился „Мужики“ г. Чехова и, вмѣстѣ съ другими романс-тами, мы готовы приравнять ихъ по своему къ „Власти тѣмъ“ А. Н. Толстого. Но пусть ужъ другіе, ради вѣдѣнаго и хвали, берутся за созданіе теорій, оправдывающихъ форму переставной повѣсти и странныхъ обширныхъ форму романовъ. Отъ насъ и до насъ было, есть и будетъ такъ: маленькіе рассказы имѣютъ дѣло лишь съ небольшими характерными выжидками, и большой романъ схватывается къ сумъ особенъ толѣйческой жизни изъ ея литературныхъ типическихъ чертахъ. То и другое въ своемъ родѣ хороше, но съ социальне-общественной точки зрѣнія яги, чтобы побѣдѣли недоразумѣнія, съ обществено-воспитательной, романъ несомнѣнно выше, ибо онъ къ лѣзѣ, ясно и обобщающе. Лучше видѣть полную картину, въ ея специальныхъ законахъ приличности и послѣдовательности, чѣмъ отрывочные моменты изъ такой картины въ отрывочныхъ, хотя бы и характерныхъ выжидкахъ.

Если-ли стоитъ распространяться на эту тему.

К. С.—ъ.